

ПЕСНЯ ТИХАЯ ОБЩЕЙ ЛЮБВИ

(Никита Пирогов, Дом света. – СПб., CheBOOKsary, 2021. –
Книжная серия мини-отеля «Старая Вена» и издательства «Free poetry» – 47 с.)

Что определяет подлинность поэтического слова? Искренность, способность в каждом образе и в каждой фразе «проговаривать» себя – делиться с миром своей неповторимостью, своим особенным стилем жизни. Всё это присутствует в творчестве Никиты Пирогова – поэта, фотографа, художника, практикующего монаха-буддиста. Книга «Дом света» поразительным образом высвечивает все его ипостаси одновременно.

Трудно не согласиться с автором предисловия Аллой Горбуновой в том, что поэзию Никиты можно сравнить с экзотической бабочкой. Я бы добавила к этому наблюдению ещё и сравнение с каким-нибудь диковинным растением – не садовым, а дикорастущим, лесным или полевым. Здесь всё особенное, «кинаковое», слегка непривычное для нашего вкуса. Всему причиной – чистота и почти детская непосредственность авторской мысли, непринуждённость речи лирического героя, в общем-то не ориентированного на среднестатистического читателя. Его главный адресат – мироздание, всё окружающее, мыслимое как единое целое, как живой организм, способный видеть и слышать, воспринимать обращённую к нему мольбу. В конечном итоге, это диалог с Богом, понимаемым как стихийная сила природы, высшая энергия жизни. Безусловно, Никита-поэт и Никита – носитель духовного знания идут здесь рука об руку. Влияние «И Цзин», священной «Книги перемен», одной из старейших книг в мире, и в целом буддийской практики на художественное мировоззрение автора «Дома света» очевидно. На этой же культурной почве вырастает творчество Никиты-художника и Никиты-фотографа.

Бесконечное дарение и благоденствие, обнаружение в человеке его божественного начала, жизнь в единении с миром – вот ключевые идеи жизненной философии Пирогова, проявленные и в стихах, и в картинах, и в фотографиях. Здесь уже нет отдельных видов искусства, как таковых – есть причудливая, эклектичная картина мира, в которой поэзия и танец, живопись и священный обряд, становясь единым целым, транслируют индивидуальный духовный опыт общения автора с человеком и природой. С этих позиций и стоит оценивать «Дом света»:

*полотна старого на столе –
память – чаши полной до края;
слепок плеч, торса, волос запах.
предметность тела. красного*

*вина пятно на матовой ткани
бечёвка, перетягивающая посылку
выстиранные носки, улыбка
тёплые руки, открытый взор*

*шаги неспешные неторопливо
дождь ровный вода нагая
вопрос поставленный без уловки
и жизнь такая*

Жанровые границы текста как будто размыты. Он не просто фотографичен – он ещё и кинематографичен. Помимо локальных цветовых пятен, «предметности тела» и случайных образов здесь есть ещё запахи, звуки шагов, шум дождя, ощущение тёплых рук. Стихотворение напоминает импрессионистскую зарисовку, в которой всё представлено на уровне случайных авторских ассоциаций. Движение само по себе воспринимается как некое духовное усилие – попытка «сбросить» с собственной жизни ненужное, насосное, оставив только подлинную суть: *дождь ровный воду нагую вопрос поставленный без уловки.*

«Красота жизни в её простоте», – как будто хочет сказать нам автор. Оттого и речь его проста, непри-
нуждённа, свободна от грамматических условностей и строгих языковых канонов. Рифма здесь часто отсутствует – есть только ритм, интонация, передающие течение самой жизни. Учитывая буддийский опыт автора, его причастность к духовным практикам, можно определить его стихи как тексты-медитации, тексты-молитвы, адресованные всем и каждому в отдельности. Стоит ли говорить о том, что все эти молитвы – о мире и счастье, о благополучии духовном, физическом и материальном? Их чтение действительно приводит к состоянию покоя и умиротворения, рождает веру в лучшее:

*рис облаков, белесая взвесь чистоты
успокаивающая и дарующая прощение
тем, чьи руки горячие и глаза
смотрящие в глаза ненавидящим
лишь любовью и состраданием
озарили тьму
хранящую свет
нефорождённый
рисовых облаков
небесную песнь*

Несмотря на то, что автор никогда не обращается напрямую к читателю, мы как будто ощущаем его метафизическое движение по направлению к нам, его очевидную эмпатию, открытость и готовность к диалогу. Этот диалог – не что иное, как совместное проживание ситуации, вовлечённость в неё. Совместность и соучастие – пожалуй, главные категории поэзии Никиты Пирогова. В этом смысле его стихи похожи на духовные путешествия «по ту сторону» – за грань видимого, в область неочевидного. Как ни парадоксально это прозвучит, но «Дом света» – это приглашение к сокровенному разговору, к мистическому акту духовного обнажения, в результате которого искомый свет и обретается. Каждый, соприкоснувшийся с этими текстами, достигает просветления.

Невольно вспоминаются слова недавно ушедшего поэта Андрея Таврова о сущности творчества: «Каждая вещь мира спрашивает человека, кто я? <...> Ответ формирует нас самих и утверждает вещь в её высшем достоинстве и в бытии, если ей повезёт с ответчиком. Кто я? – спрашивает мир художника, святого, наблюдателя, кто я? Помоги мне заново родиться, брат, сестра. Не торопись...». Эта эстетика вопрошания ощущается и в книге Никиты Пирогова. Она и начинается с вопроса:

*что внутри тебя?
рассвет, канон
что снаружи?
ветер, пейзаж –
перламутровым звоном рассыпались звёзды дней
что летит свободно? –
слово, морская гладь
что остаётся человеку делать? –
петь, танцевать и верить в лучшее*

Поразительно, но стихи Никиты, иногда напоминающие живописные полотна, а иногда похожие на заклинания, могут сблизиться в том числе и с танцем. Причём танец мыслится как священный ритуал – уже упомянутое совместное действие, всеобщее проживание состояния гармонии и красоты мира. Танец – освобождённая энергия мира, открытие его потаённых ресурсов, направленных на добро и созидание:

*давайте же потанцуем
на траве на полу на камне
на мелком песке
давайте же отдавать*

Поэзия Никиты Пирогова учит самому простому, которое одновременно и самое сложное – жить полноценно, радуясь каждому дню, любить бескорыстно, быть открытым по отношению к людям. Многие ли из нас могут похвастать подобными умениями? Боюсь, что нет. Человек, исковерканный цивилизацией, забывает, что значит жить в единстве с природой, со всем миром и другими людьми. Чтобы «выправить душу», надо вернуться к началу – к собственному естеству, которое не ставит границ между «я» и «все остальные». Сделать подобное совсем непросто, но Никита знает, как минимум, два к этому пути: память и способность созерцать. Тема воспоминаний, особенно детских и юношеских, становится одним из ключевых лейтмотивов книги. Только на волнах памяти человек может доплыть до искомой, обетованной земли, способной приблизить к радости «дословесного знания» и дать услышать «ритмы ударов сердца в глубине земли»:

*девять балтийских камушков,
осколков фанита
в сердце моём
далеко от родной земли
прорастают свободой памяти*

*фантомной болью земли
светящейся на закате
ледником и быльё,
рыбой, выпрыгивающей из воды;
в радости уходящего дня – фотографией,
находящей выход к себе и миру*

Текст преобразуется в арену встречи разных ипостасей творца, и вот уже Никита-поэт протягивает руку Никите-фотографу, потому что их навеки соединил Никита-философ и восточный мудрец, понимающий, что мир, так же, как и мы в нём, целостен и неделим, и постигаем интуитивно. Все виды искусства в какой-то мере олицетворяют высшую интуицию и высшее знание о мире. Будучи философом созерцающим, а не умозакрывающим, певцом чувства, а не разума, автор книги «Дом света» иногда уподобляется хайдзину, японскому страннику, воспевающему всё вокруг, стремящемуся постичь скрытую красоту предметов, переживающему моменты «мистических прозрений». Некоторые стихи Никиты очень напоминают японские хойку:

*объём воздуха в кронах
пальм и цветущих манго
жёлтоватое поле тропинок*

В трёх строках уместилось целое мироздание – и подтекст здесь гораздо важнее текста. Важен даже не смысл, а ощущение: здесь и блаженство, и пристальный взгляд художника, готового мгновенно запечатлеть увиденное, и состояние, близкое к катарсису.

Пытаясь ухватить самую суть, духовную сердцевину поэзии Никиты, я невольно вспоминаю строки из поэмы английского поэта-романтика Уильяма Вордсворта: «*всё в хоре гимн любви поёт: зверь, птица, мотылёк и плод*». Именно такую «*песню тихую общей любви*» поёт нам Никита Пирогов. Стоит только прислушаться к ней – и двери дома солнца откроются, чтобы, возможно, дать нам ключ к постижению самих себя.